

Глава 18

Когда Лу Ян и Се Янь вернулись домой, до ужина было еще далеко.

Чжао Пэй-лань во дворе перебирала овощи. У стены стояло четыре корзины. Она отбирала овощи для засолки.

Увидев детей, она оставила работу и, вытирая руки о передник, подошла к ним. Посмотрев на сына, она что-то вспомнила и обратилась к Лу Яну:

— Сегодня приходил староста. Сказал, у него к вам дело, велел зайти.

— Какое дело? — спросил Лу Ян.

— По поводу жалобы в управу.

— Чиновник мелкий, а гонору много. Не пойду, — отрезал Лу Ян.

— Как только вы ушли, к нам пришло много народу, — добавила Чжао Пэй-лань. — Вернули тарелки, даже больше, чем у нас было. Я уже все разобрала. И овощи эти тоже они принесли.

Лу Ян кивнул, окинул взглядом овощи и решил, чем займется вечером.

Он был человеком неугомонным. Овощи могли подождать, а вот с мясом нужно было разобраться как можно скорее.

Вчера они купили десять цзиней соли. Десять цзиней мяса он собирался засолить, а остальное — мелко порубить на фарш для начинки.

Эту партию баоцзы он готовил на продажу в уезде, не для себя.

В семье было всего три рта, и четыре корзины овощей — это было слишком много. Он оставит понемногу каждого вида, а остальное отвезет в уезд на продажу. Солить много он не будет.

Соленья хранятся долго, одной банки хватает надолго. Для маленькой семьи не стоит так утруждаться.

Чжао Пэй-лань в прошлом жила в достатке и готовить умела не очень хорошо, соленья у нее получались невкусными. Лу Ян, наоборот, умел, но до продажи было еще далеко. Он попросил свекровь помочь подготовить овощи, а солить будет сам.

Они вдвоем занялись делом, и Се Янь оказался не у дел.

Лу Ян работал быстро, один крутился у печи: сначала солил мясо, потом рубил фарш, умудряясь при этом готовить ужин. Се Янь только мешался под ногами.

Он пошел помочь матери, но та, как и прежде, не позволила ему работать.

— Твои руки созданы для кисти и письма, а не для такой грубой работы. Ты, наверное, за эти дни и книгу в руки не брал? Иди почитай.

Се Янь читать не хотел.

Он вернулся на кухню. Здесь он мог хотя бы подбрасывать дрова в печь.

Лу Ян, видя, как он мается от безделья, велел ему насыпать муки и замесить тесто.

Пропорции муки и воды определил Лу Ян. Се Яню оставалось только вымыть руки и усердно месить.

Силы в руках у него было побольше, чем в ногах.

Он месил тесто, пыхтя от усердия. Лу Ян не удержался от шутки:

— Ты побереги силы. Не на военного чжуаньюаня же сдаешь экзамены, зачем так стараться? Или вечером куриного супа не хочешь?

Се Янь еще не привык к таким поддразниваниям и тут же покраснел.

Он мало реагировал на слова, но его действия говорили сами за себя.

Он стал месить тесто гораздо мягче, прилагая едва ли восемь десятых своей силы.

— Эй, чжуаньюань, — ткнул его локтем Лу Ян, — скажи-ка, что мягче: это тесто или мое тело?

Се Янь промолчал.

«Я зря не пошел читать».

Лу Яну нравилось видеть его смущение. Недаром мужчины любят поддразнивать скромных

гээр. Ему тоже нравилось поддразнивать скромных мужчин.

— Здесь только мы вдвоем, ну скажи.

У Се Яня сработал инстинкт самосохранения.

— Ты мягче, — сказал он.

— Я же кожа да кости, — усмехнулся Лу Ян. — Разве я могу быть мягче теста?

Пусть и кожа да кости, но задница-то у него была.

Се Янь искоса посмотрел на него, его взгляд скользнул вниз. Все было сказано без слов.

Но Лу Ян не любил недомолвок.

Он предпочитал, чтобы все было сказано прямо, пусть даже иносказательно.

— На что ты смотришь? — спросил Лу Ян.

Се Янь, которого он продолжал толкать локтем, не удержался на ногах и честно ответил:

— На твою задницу.

Лу Ян расхохотался так, что глаза превратились в щелочки.

— А ты, оказывается, скромняга.

Се Янь замер, словно его осенило. Он приблизился к Лу Яну так, что тот опешил.

— Что ты делаешь?

— Даю тебе себя поцеловать, — сказал Се Янь.

Лу Ян рассмеялся еще сильнее, так, что свело живот. В желудке внезапно вспыхнула боль, и смех оборвался. Он отложил нож и прижал руку к животу.

Боль была такой внезапной и сильной, что у него из глаз брызнули слезы.

— Что с тобой? Живот болит? — перепугался Се Янь.

Лу Ян не любил показывать слабость.

— Наверное, от смеха свело. Сейчас пройдет.

Это было не похоже на обычную боль от смеха, но Се Янь, никогда не страдавший от болей в желудке, поверил ему.

Он вытер руки и налил Лу Яну чашку горячей воды.

Горячая вода должна была согреть желудок, но Лу Ян упрямо сказал:

— У меня свело живот. Ты должен меня погладить.

— Ох, хорошо, — Се Янь принялся гладить его по спине.

— Дурачок, — снова поддразнил его Лу Ян.

Почему он всему верит?

Лу Яну было непривычно. Раньше он всегда терпел боль в одиночку.

Он держал чашку, время от времени поглядывая на Се Яня, и на душе у него становилось тепло.

Этот брак, кажется, был не так уж и плох.

Муж хоть и простоват, зато послушный.

Многого не понимает, но заботливый.

— Подойди, — сказал Лу Ян.

Се Янь присел перед ним на корточки.

— Наклони голову.

Се Янь понял и подставил свое лицо. Лу Ян поцеловал его в щеку.

«Тонкая кожица, сочная начинка. Хороший баоцзы», — подумал Лу Ян после поцелуя.

Эта фраза имела двойной смысл. Се Янь тоже был хорошим баоцзы.

Он снова рассмеялся, и от смеха желудок снова заболел.

Се Яню не хватило сил поднять супруга. Он, торопливо поддерживая его, довел до комнаты и уложил на кан.

— Не смейся больше. Разве можно смеяться, когда живот свело? Я теперь и целовать тебя побоюсь.

Лу Ян был счастлив.

Впервые в жизни он смеялся до боли в желудке.

— В следующий раз ты меня поцелуешь, — улыбнулся он.

Се Янь сдался.

Его супруг был поразительным человеком.

Ужин готовила Чжао Пэй-лань. Увидев, что у Лу Яна болит живот, она сварила ему суп из редьки и добавила туда два яйца.

Она была женщиной самоотверженной. Как и в день свадьбы с куриными ножками, она разделила яйца: одно — сыну, одно — Лу Яну, а себе не оставила.

Лу Ян отломил ей палочками половину. Чжао Пэй-лань отказывалась, но в душе была тронута.

Се Янь, подражая Лу Яну, тоже отломил половину яйца и положил в его миску:

— Тебе сегодня нездоровится, ешь больше.

Лу Ян промолчал.

«Вы с матерью так похожи».

Лу Ян был счастлив. Суп из редьки был сладковатым и согревал не только желудок, но и душу.

Он и впрямь не мог сидеть без дела. Поев, он быстро порубил мясо на фарш и поставил тесто.

Умывшись, он снова принялся лепить баоцзы, и только потом забрался под одеяло, чтобы «попить с Се Янем куриного супа».

А после этого он снова встал, пошел на кухню, разжег огонь и поставил баоцзы на пар.

Се Янь был ошеломлен.

Ему тоже стало нехорошо — на душе было тяжело и тоскливо.

Лу Ян вернулся в комнату и, увидев нахмуренного Се Яня, сидящего на кане, подошел к нему.

— Что случилось? Я тебя разбудил? Не может быть, ты же не спал.

Се Янь обнял его, очень крепко.

Лу Ян стоял на полу и был вынужден согнуться.

— У тебя еще остались силы? Тогда продолжим?

— Нет, — сказал Се Янь. — Мне просто жаль тебя.

Лу Ян замер.

Он был ошеломлен.

Он чуть не расплакался, но не собирался поддаваться на ласковые слова, сказанные в постели.

К тому же, он читал книги и знал, что словам ученых верить нельзя.

— О, — сказал Лу Ян. — Тогда тебе нужно усердно учиться. Супругу сюэя суждено терпеть унижения. Смогу ли я изменить свою судьбу, зависит только от тебя.

Се Янь поднял на него глаза. Он не мог поверить, что в такой трогательный момент Лу Ян может говорить такие бессердечные вещи.

Но, как ни странно, на этот раз учеба не вызвала у него такого отторжения.

— Учеба, на самом деле, бесполезна, — сказал он Лу Яну. — Я могу и не сдать на цзюйжэня.

— Ничего, — ласково погладил его по голове Лу Ян. — Ты пока учись, а там посмотрим.

А сегодня пора спать.

***

Деревня Ли.

Лу Лю и Ли Фэн вернулись и остались на обед в Новой деревне.

Ли Фэн пошел помогать делать няньгао, а Лу Лю занялся домашними делами.

Благодаря тому, что они привезли целую доску тофу и три стеганные куртки, Чэнь Гуй-чжи была в хорошем настроении.

Об обмане на свадьбе никто не говорил, а в доме было много народу, все помогали делать няньгао. Все хвалили этот брак, говорили, какая щедрая семья Чэнь, и, как и в день свадьбы, желали им всего наилучшего.

Лу Лю все понимал, но слушал с удовольствием, не теряя головы. Он усердно работал на глазах у Чэнь Гуй-чжи.

Няньгао делали во дворе. В двух больших котлах на кухне парился клейкий рис. Лу Лю был в доме первый год, поэтому он пока только наблюдал. Когда рис был готов, Чэнь Гуй-чжи велела ему готовить обед.

Все запасы мяса и овощей жена Эр Тяня, Ван Дун-мэй, унесла своей матери. Не осталось даже ни одного яйца.

Мужчины занимались тяжелой работой, и им нужна была сытная еда.

Подавать на стол одни овощи было бы проявлением скупости.

Ни мяса, ни яиц. Лу Лю был в растерянности.

В доме было два кролика. Крольчиха была беременна, ее нужно было беречь, а кролика можно было зарезать.

Лу Лю не знал, можно ли это сделать. Их семья была бедной, и гостей они принимали редко. Он попытался вспомнить, но, кажется, в наше время никто не потчевал гостей мясом каждый день.

В деревне Ли было много охотников, но разве кто-то ходил на охоту каждый день, да еще и возвращался с богатой добычей?

Он решил, что главное — накормить досыта.

Осмотрев кухню, он нашел соевую пасту и у него созрел план.

Тофу принесли сегодня, целых шестьдесят четыре куска. Все это видели. Значит, основным блюдом будет тофу.

Тофу хорошо впитывает соус. В прошлый раз он готовил тушеную капусту с тофу в соевой пасте, и Ли Фэн очень хвалил. Сегодня он приготовит то же самое.

А еще — жареный тофу с зеленью и суп из редьки с тофу.

Во всех трех блюдах были овощи. Оставалось добавить еще одно — тушеный тофу в соевом соусе.

Он промыл рис и поставил его вариться. Пока рис варился, он подготовил овощи. Когда рис был готов, он принялся готовить.

Все блюда были овощными, а тофу готовится быстро. На сильном огне достаточно было несколько раз перевернуть, добавить специи и немного потушить.

Пока он готовил, он успел и прибраться на кухне.

Чэнь Гуй-чжи несколько раз заходила, и была довольна работой Лу Лю.

— Совсем нет мяса? — спросила она. — Нас же засмеют.

— Сегодня принесли тофу, я видел, все обрадовались. Вот и решила приготовить несколько блюд, чтобы угостить, — с улыбкой ответил Лу Лю.

Он не стал говорить, что в доме нет мяса. Видя, что Чэнь Гуй-чжи все еще недовольна, он добавил:

— Я был скуп. Мама, может, нарежем кролика?

— Не надо, — махнула рукой Чэнь Гуй-чжи. — Позже.

К готовке можно было придаться по-разному: беспорядок на кухне, слишком много специй, расточительность, невкусная еда, маленькие порции.

Но Лу Лю добавлял специи очень точно, ни капли лишнего. Миски с едой были полными. Такие большие порции нужно было готовить с большим количеством масла и соли, иначе получалось невкусно.

Чэнь Гуй-чжи с суровым лицом подошла к горшкам со специями. Сначала заглянула в кувшин с маслом, потом — в солонку, проверила даже связки чеснока и перца на стене. Всего было использовано немного. Меньше, чем использовала бы она сама.

Она взяла маленькую миску и попробовала каждое блюдо.

Она ожидала, что еда будет пресной, но вкус был отменным.

Самыми насыщенными по вкусу были тушеная капуста с тофу в соевой пасте и тушеный тофу. Но даже в них она чувствовала нежный вкус тофу.

Нежность тофу и соленость соевой пасты идеально сочетались, было ароматно и очень вкусно.

Мастерство было на высоте.

На лице Чэнь Гуй-чжи появилась улыбка.

— Неудивительно, что Да Фэн так торопится домой на ужин. Ты хорошо готовишь.

Лу Лю был человеком пассивным. Когда его хвалили, он принимал похвалу.

Чэнь Гуй-чжи, видя, что он только улыбается и не поддерживает разговор, посчитала его немного глуповатым. Но, заметив его добрый взгляд и то, что он не обиделся на ее придирки, смягчилась.

— Позови Да Фэна и остальных обедать.

— Хорошо, — кивнул Лу Лю и вышел.

Последние дни стояла ясная погода. На улице светило солнце, и мужчины, занимаясь физической работой во дворе, не могли работать в стеганых куртках.

Ли Фэн был особенно горячим. Он снял даже нижнюю рубаху и работал с голым торсом.

Лу Лю, пришедший звать их обедать, стеснялся на него смотреть.

Мужчины тут же принялись подшучивать:

— Да Фэн, это ты виноват! Твой супруг стесняется на тебя смотреть, ха-ха-ха!

Ли Фэн велел им убираться.

Наступило время обеда, и во дворе никого не осталось.

Ли Фэн накинул на плечи одежду, он шел медленнее остальных.

Лу Лю ждал его. Пока Ли Фэн завязывал пояс, он, покраснев, смотрел в сторону.

— Ты же видел, — сказал Ли Фэн.

— В темноте я ничего не разглядел, — честно ответил Лу Лю.

Ли Фэн промолчал.

«Так это, оказывается, моя вина».

— А наощупь понял? — спросил он.

Лу Лю от его вопроса запнулся и не мог вымолвить ни слова.

Ли Фэн, продолжая свои шутки, не стал нормально одеваться, а распахнул ворот и велел ему потрогать.

Вокруг никого не было. Лу Лю набрался смелости, протянул руку, быстро коснулся его и убежал.

Ли Фэн был высоким и длинноногим. Обычным шагом он легко догнал Лу Лю, и они вошли в дом почти одновременно. Лу Лю, не желая давать ему повода для новых шуток, сел рядом с Чэнь Гуй-чжи.

Взяв миску, Лу Лю первой палочкой положил еды свекрови.

Чэнь Гуй-чжи промолчала.

— Ты за Да Фэном ухаживай.

Лу Лю был послушным. Второй палочкой он положил еды Ли Фэну.

Его действия вызвали оживление за столом, посыпались шутки.

— А когда вы нам ребеночка родите? — спросила одна из женщин.

— Вечером, — не подумав, ответил Лу Лю.

Все рассмеялись.

Лу Лю, немного подумав, понял, что сказал, и больше не смел произнести ни слова.

Он был таким милым, что после обеда Ли Фэн, улучив момент, прижал его к стене и поцеловал.

— Ты тогда не распробовал, так что жди вечера.

Лу Лю смущенно кивнул.

После обеда он снова занялся делами. Чэнь Гуй-чжи и Лу Лю принялись формовать няньгао.

Они раскладывали тесто в формы, чтобы получились круглые лепешки.

За столом было много народу. Жена Эр Тяня, Ван Дун-мэй, села рядом с Лу Лю, но разговаривала через стол с Чэнь Гуй-чжи, отпуская колкости в его адрес.

— Я вчера ездила к матери в Шансицунь, — сказала она. — Знаете семью Се оттуда? Так вот, у них там появился такой свирепый супруг, что он всех мужиков в деревне одним махом усмирил! Вчера еще в уезд ездил!

Лу Лю наострил уши.

Супруг из семьи Се — это брат?

Ван Дун-мэй, видя, что Лу Лю слушает внимательно, с усмешкой толкнула его в бок.

— Надо же, какое совпадение, этот свирепый супруг тоже носит фамилию Лу. Вы, Лу, все такие, с характером.

Лу Лю хотел только услышать новости о брате. Он считал, что в семье Се брат и должен быть свирепым, иначе как справиться с этими волками? Чуть дашь слабинку — и тебя съедят!

Чэнь Гуй-чжи холодно наблюдала. Ван Дун-мэй говорила все злее и злее, а Лу Лю слушал и радовался. Непонятно, понимал ли он эти намеки, но улыбался.

Ван Дун-мэй сама себя разозлила.

— Мама, посмотри на него, улыбается, как лис!

— Я могу быть и тигром? — обрадовался Лу Лю. — Спасибо.

Ван Дун-мэй потеряла дар речи.

«Ты думаешь, я тебя хвалю?»

Она стукнула формой по столу, встала и пересела за другой стол. Когда ее спросили, в чем дело, она стала рассказывать, какие все гээр из семьи Лу сильные.

Лу Лю, видя, как она злится, и вспомнив о Лу Сань-фэн, решил, что нужно у кого-то поучиться.

Так жить нельзя, можно и не заметить, как кого-то обидишь.

За столом остались только он и Чэнь Гуй-чжи. Он подумал, что просьба о совете — хороший способ сблизиться, и спросил:

— Мама, я, кажется, ее обидел. Что мне делать?

— А чего ты ее боишься? — ответила Чэнь Гуй-чжи. — Эр Тянь младше Да Фэна, значит, и она младше тебя. Это ты можешь на нее кричать, а не она на тебя.

Ван Дун-мэй только что вынесла из дома все, что могла, чтобы помочь своей матери. Чэнь Гуй-чжи была зла на нее.

Но Лу Лю принял ее слова за чистую монету. Он посмотрел на нее с восхищением.

— Мама, ты такая хорошая. Если ты за меня заступишься, я ничего не боюсь.

Чэнь Гуй-чжи растерялась.

«Кто за тебя заступится?»

Ли Фэн и его мать были людьми упрямыми, они не терпели давления, но уступали ласке.

Чэнь Гуй-чжи хотела было отругать Лу Лю, но вместо этого сказала:

— Работай давай.

— Угу! — радостно кивнул Лу Лю.

Чэнь Гуй-чжи промолчала.

«Ладно, пусть Да Фэн поскорее забирает его домой».

<http://bllate.org/book/16991/1584890>